

УДК 347.132.6

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМЫ СДЕЛКИ В ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Михайлова Ирина Александровна,
д-р юрид. наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права и процесса,
e-mail: irina_mikhaylova@list.ru,
Московский университет имени С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани

В статье, на основе изучения литературных источников и анализа отечественного и зарубежного законодательства различных временных периодов, начиная с римского частного права, исследуются этапы развития правового регулирования и оформления сделки.

Ключевые слова: форма сделки, совершение сделки, эволюция формы сделки, изменение формы сделки, нарушение формы сделки

CONTRACT LAW: BRIEF OVERVIEW ACROSS JURISDICTIONS

Mikhaylova I.A.,
doctor of law, professor,
professor at the department of civil law and procedure,
e-mail: irina_mikhaylova@list.ru,
Moscow Witte University, Ryazan branch

The article: the article, based on the study of literary sources and analysis of domestic and foreign legislation of different time periods, starting with Roman private law, the stages of development of legal regulation and registration of the transaction are examined.

Keywords: transaction form, making a deal, evolution of the form of the transaction, regulation of the form of the transaction, violation of the form of the transaction

DOI 10.21777/2587-9472-2018-4-34-40

В процессе беспрецедентной по масштабу и глубине модификации гражданского права, принятого и действовавшего в постсоветской России, начало которой было положено широко известным Указом Президента России «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» [14] и Концепцией развития гражданского законодательства [4], ряд важных изменений и дополнений был внесен практически во все разделы ГК РФ, в том числе в положения, регламентирующие порядок, условия, форму и виды гражданских сделок (гл. 9 ГК РФ). Такое решение свидетельствовало о глубоком внимании, которое законодатель уделяет эффективности гражданско-правового регулирования в этой важнейшей сфере гражданского оборота и проблемам, имеющимся в легальной регламентации, доктринальном обосновании и практической реализации положений о сделках, закрепленных в подразделе 4 и в гл. 60 ГК РФ.

Наиболее важные новеллы, касающиеся правил оформления сделок и последствий их нарушения, были закреплены в Федеральном законе от 7 мая 2013 г. №100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». Внесенные законодателем изменения широко и активно анализируются в современной доктрине, однако, такой анализ, по нашему мнению, станет более полным и содержательным, если обратиться к истории этимологии и эволюции формы сделок и ее правовой регламентации в римском частном праве и в рецепировавших его правовых системах, поскольку разработанные в нем положения о правилах совершения и оформления сделок легли в основу соответствующих правовых институтов, закрепленных в законодательстве современных государств, относящихся к романо-германской правовой семье, в том числе и в Российской Федерации.

Требования, предъявлявшиеся к форме сделок, подробно и детально были регламентированы в римском частном праве, традиционно уделявшем много внимания вопросам внешнего выражения волеизъявления участников гражданского оборота, иногда доводя их до абсурда [12, с. 57]. По крайней мере, в период доминирования квирицкого права форме сделок придавалось даже больше значения, чем действительной воле сторон. Речь идет о так называемых формализованных договорах *mancipatio* и *nexum*, которые порождали правовые последствия только в случае строгого соблюдения порядка их заключения. Жесткие требования к форме договора, закрепленные в правовых предписаниях римского частного права, великий российский цивилист И.А. Покровский объяснял тем, что «примитивному обществу совершенно чуждо представление о том, что всякий договор уже сам по себе создает обязательство между сторонами» [9, с. 358]. Отсюда широкая распространенность института заложенности и обещания в форме клятвы.

Древнейшим способом передачи прав на объекты квирицкой собственности являлась так называемая манципация. Этот обряд, по свидетельству Гая, совершался в отношении *res mancipii* (манципированных вещей) в присутствии пяти свидетелей и весовщика (*librepens*). Покупатель должен был коснуться рукой приобретаемой вещи, произнеся формулу покупки: «Утверждаю, что этот раб по квирицкому праву принадлежит мне и что он должен считаться купленным мною за этот металл и посредством этих медных весов». При этом он ударял куском меди по весам и передавал его продавцу как покупную цену [1, с. 59], однако, право собственности переходило к покупателю только после реальной уплаты цены.

Как считается, этот обряд вырос из реальной обменной операции, где медь отвешивалась в соразмерном объеме, для чего и использовались весы. Причем манципация, изначально предназначенная исключительно для купли-продажи, со временем превратилась в акт, способный опосредовать самые разнообразные отношения между субъектами гражданского оборота. По крайней мере, по представлениям классических юристов (того же Гая) она уже выступает исключительно как *imaginario venditio*, т.е. воображаемая продажа [1, с. 61]. Еще более широкую сферу применения имела словесная форма манципации – *nuncupatio*, которая допускала различные модификации, вставки, благодаря которым стороны могли вводить в соглашения нетипичные для договоров данного вида условия.

Несколько позже возникла вторая форма передачи прав – *in iure cessio*, которая всецело являлась продуктом искусственного приспособления гражданского процесса для нужд активно развивающегося договорного оборота, субъектами которого выступали уже не только физические, но и юридические лица. Эта процедура представляла собой уступку вещи на суде в фиктивном процессе о собственности, изначально становясь *imaginary vindicatio* (воображаемой виндикацией). Фиктивность процесса выражалась в том, что стороны являлись к претору по взаимному согласию, определив основные параметры сделки. При этом приобретатель вещи как бы предъявлял виндикационный иск об истребовании ее у продавца. Касаясь вещи, он заявлял о своих притязаниях на вещь: «Я утверждаю, что этот человек мой по праву квиристов». На основании этого претор спрашивал у отчуждающего, не имеет ли он какой-либо претензии, по отношению к спорному предмету. Когда продавец соглашался с притязаниями покупателя или отвечал молчанием, претор присуждал вещь приобретателю. [5, с. 98]

Следует заметить, что *in iure cessio* применялась достаточно широко в различных сферах гражданского оборота, в том числе для передачи наследственных прав. Ее очевидным преимуществом было то, что данная процедура могла использоваться в отношении любых вещей, в том числе неманципируемых [7, с. 87]. Для передачи прав на последние так же использовалась *traditio*, которая состояла в простой передаче вещи. Особой разновидностью традиции была *traditio longa manu*, которая представлявшая собой символическую передачу прав на вещь. Фактически речь шла о конклюдентных действиях, свидетельствовавших о намерении сторон совершить конкретную сделку.

Значительным своеобразием отличались вербальные контракты, к которым относились *sponsio*, *stipulatio*, *iurato operarum promissio* и *dotis dictio*. Древнейшим из них являлась стипуляция, которая во всей системе римских обязательств занимала первое место. [6, с. 67] Она включала в себя устный вопрос кредитора и ответ должника, и могла совершаться не иначе, как в случае, когда оба участника сделки произносят традиционные фразы, поэтому лица с дефектами восприятия и волеизъявления (незрячие или глухие) использовать эту форму сделки не могли. Предполагалось также обязательное личное присутствие обеих сторон.

Специфика этой формы сделки заключалась в строгом соответствии ответа контрагента поставленному ему вопросу. Например, если на вопрос, содержащий условие, контрагент отвечал безусловно, обязательства не возникало. Если отвечающий что-либо убавлял или прибавлял из условий обязательства, то в любом случае обязательство признавалось ущербным, если только стипулирующий тут же на месте не одобрял изменение обстоятельства, причем (что удивительно!) язык, используемый сторонами, значения не имел. Главное, по мнению Сабина, чтобы оба контрагента понимали этот язык либо сами, либо через надежного переводчика [15, с. 254]. Впрочем, нельзя ассоциировать стипуляцию исключительно с устной формой сделки. В целях ее доказывания со временем стали составлять письменный документ *cautio*, который самостоятельной обязывающей силы не имел, поэтому стипуляция и в праве Юстиниана продолжала оставаться вербальным контрактом.

Вопрос о том, каким образом в римском праве появилась рассматриваемая форма договора, до настоящего времени остается спорным. Некоторые авторы полагали, что стипуляция выросла из пехум путем ослабления ритуала и усиления словесного элемента, другие считали ее заимствованием из обычаев латинян, третьи говорили о ее сакральном происхождении, полагая, что первоначально она была клятвой, посредством которой обещавший что-либо подтверждал свое обещание [9, с. 371]. Как бы то ни было, благодаря своей чрезвычайной простоте и гибкости формы стипуляция быстро приобрела весьма широкое распространение, поскольку содержание любой заключаемой сделки могло быть облечено в форму вопроса и ответа. К тому же она в значительной степени облегчала доказывание долга в процессе, так как для этого достаточно было установить только факт совершения стипуляции. Все это объясняет причину популярности стипуляции даже в период распространения консенсуальных и реальных контрактов.

Большое значение для организации гражданского оборота имели литеральные контракты, которые первоначально заключались в виде так называемого книжного долга, то есть долговых обязательств, записываемых соответственно в специальные книги денежных доходов и расходов, которые вели римские *pater familias*. Их происхождение связывалось с книгами понтификов, которые с древнейших пор в некоторой степени выполняли функции нотариусов. Записи вносились в приходно-расходную книгу, принадлежащую стороне сделки. При этом они могли быть двоякого рода: или от вещи к лицу, или от лица к вещи. Первая имела место тогда, когда то, что причиталось по купле, найму или товариществу, записывалось как сумма, предназначенная делающему такую запись.

Занесение долга в счетную книгу от лица к лицу имело место в случае перевода долга. Принципиально другое значение имели *nomina arcaria*, представлявшие собой «памятные записи займа», сами по себе не порождавшие никакого обязательства, а лишь свидетельствовавшие о его заключении.

Впрочем, многое в применении подобных контрактов в классический период остается неясным, а в период империи они вообще выходят из употребления. На смену им появляются так называемые сингарфы и хирографы, первоначально использовавшиеся только в обороте между peregrini провинций. В то время как хирографы представляли собой документы, написанные от лица самого должника и свидетельствовавшие о наличии долга перед конкретным лицом (займодавцем), сингарфы говорили об обязательствах от имени обеих сторон и скреплялись печатями и подписями как должника, так и кредитора [8, с. 262].

Наряду с формализованными контрактами постепенно все более широкое распространение получили соглашения, которые не были связаны какой-либо определенной формой, среди которых различались консенсуальные и реальные контракты. Дифференцированный подход был установлен по отношению к форме завещания. В республиканский период в Риме были известны два рода завещаний, составляемые перед лицом всего народа в куриатных комициях, созывавшихся для этой цели два раза в год, или совершаемые перед строем воинов, выступающих в поход. Последняя процедура носила явно упрощенный характер, но она получила весьма широкое распространение. Позицию, занимаемую законодателем по этому вопросу, отчетливо выразил Ульпиан: «Пусть они составляют завещания так, как желают. Пусть они составляют их так, как могут. И пусть одной только воли завещателя будет достаточно для распределения его имущества» [15, с. 214]. Однако права совершать завещания, в такой упрощенной форме, были лишены лица, попавшие в плен [15, с. 157].

Со временем появилась и другая форма завещания – «посредством весов и меди», когда насле-

додатель передавал в манципированной форме постороннему лицу свое имущество, прося распределить его согласно последней воле. Постепенно мнимая продажа получила широкое распространение, а сама процедура была сведена к подписанию завещания семью свидетелями (это число складывалось из традиционных пяти свидетелей, «весовщика» и лица, фактически принимавшего на себя исполнение завещания).

В классический период упрощенная (простая письменная) форма завещания допускалась, если оно составлялось во время чумы, либо включало в качестве наследников только наследников по закону. Особо регламентировались завещания лиц, страдавших физическими недугами – слепых и глухонемых: первые должны были подписываться уполномоченным на то лицом (*tabularium*), вторые обязательно требовали наличия собственноручной подписи.

С течением времени символы и словесные формулы постепенно исчезают из правового обихода. Это было обусловлено двумя причинами: во-первых, активным развитием торговли (как внутри Рима, так и за его пределами), требующей простоты и оперативности гражданского оборота, во-вторых, значительным повышением уровня правовой культуры, признававшейся вполне достаточной для подтверждения сделок соблюдения простой письменной формы. Однако, наряду с этим практика постепенно вырабатывала дополнительные требования к форме совершения сделок с наиболее ценным имуществом, которые, как правило, заключались в необходимости удостоверения волеизъявления участников сделки уполномоченным на то лицом. Так, акты о продаже движимого имущества (должника) и его наследственного городского держания или о передаче их кредитору должны были для верности свидетельствоваться королевской печатью [13, с. 219].

В целом можно констатировать, что со временем в правовых системах стран Западной Европы формируется два подхода к законодательному регулированию формы сделок. С одной стороны, значительная часть бытовых сделок, реально совершавшихся на практике, фактически выпадает из сферы централизованного правового регулирования, которое в этот период преимущественно ориентировано на обеспечение неприкосновенности феодальной, в том числе церковной собственности. Отсюда интерес законодателя к сделкам по распоряжению недвижимостью, завещаниям и церковным пожертвованиям, строгое соблюдение формы которых должно было обеспечить устойчивость перехода прав на передаваемое имущество.

Сделки в отношении недвижимости практически повсеместно, насколько можно судить из дошедших до нас памятников права, совершались в письменной форме, с которой, как правило, связывалась невозможность поворота их исполнения [11, с. 115].

Со временем дополнительным требованием для совершения некоторых видов сделок стало совершение их на гербовой бумаге. Ее появление некоторые ученые приписывают Юстиниану, хотя в Западной Европе она вошла в употребление в XVII в.: первоначально в Голландии (1624 г.), в Испании – с 1636 г., во Франции – с 1654 г., в Пруссии – с 1686 г., в Англии – с 1694 г.

Статичность гражданского права, характеризовавшаяся неизменностью требований к форме сделок с недвижимостью, подтверждает и то, что королевские ордонансы, роль которых существенно возросла с XVII в., касались преимущественно торгового права. Интерес к гражданскому праву появляется значительно позднее, когда издаются ордонансы 1731 г. о дарениях, 1735 г. о завещаниях и прочее. Со временем они обеспечивают унификацию французского права, вершиной которой стало принятие Кодекса Наполеона 1804 г. [3], где законодатель пошел по пути установления особых требований к форме отдельных видов сделок (завещания (ст. 969–980), дарения (ст. 931), поручения (ст. 1985) и прочее), а также доказательственной силы письменных документов, бирок и т.п. (ст. 1316–1340). При этом для торговой сферы формализм все так же не играл принципиальной роли, и суд был свободен в оценке доказательств, мог заслушать свидетелей, независимо от суммы сделки, заключенной устно.

В силу ряда исторических причин нормы Кодекса Наполеона 1804 г. оказали значительное влияние на содержание ГК Испании 1888 г., Итальянского уложения 1865 г., а в Бельгии, Сардинии и многих германских княжествах он был воспринят целиком. В этих государствах процесс унификации в отсутствие сильной центральной власти шел достаточно трудно. Лишь в 1794 г. в Пруссии вступает в силу кодифицированное Общее земское право прусских провинций, а в 1811 г. в Австрии «Общее гражданское уложение». [3, с. 189]

Первым общим для Германии законом в 1871 г. стало Общегерманского торговое уложение, четвертая книга которого была посвящена торговым сделкам. Помимо прочего, в нем определялись правовые последствия молчания контрагента, которое при определенных условиях могло рассматриваться как принятие поступившего предложения. Впрочем, количество статей, касающихся сделок в новом Торговом уложении 1897 г., было существенно сокращено в связи с принятием Германского гражданского уложения 1886 г.

Со временем официальный статус сделкам стали придавать нотариусы, хотя полного отказа от участия в этом суда не произошло. Сама история нотариата восходит к римским *tabelliones*. Сложившийся институт, не игравший особой роли в гражданском обороте, позднее был использован церковью для засвидетельствования даруемых пожертвований [10, с. 34].

В XII в. в Италии нотариусы уже образуют могущественную корпорацию, действующую повсюду как органы удостоверения сделок, к услугам которой прибегали и светские, и духовные лица. Со временем он привился и во Франции при активной поддержке королевской власти, обеспечивая публичную достоверность совершаемых сделок. Причем участие нотариусов по Кодексу Наполеона признавалось обязательным при продажах с аукциона, дарении, завещании и пр. Германией система французского нотариата была заимствована в начале XIX в.

Все вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы.

Эволюция формы сделок и ее правового регулирования повторяет общую логику развития права, которое, по справедливому замечанию Ю.С. Гамбарова, шла от господства форм к свободе от них [2, с. 701]. При этом законодатель всегда стремился максимально точно определить круг сделок, совершение которых требовало соблюдение письменной формы, присутствия свидетелей или участия представителей публичной власти.

Достаточно подробно и глубоко требования к форме сделок были регламентированы в римском праве, традиционно уделявшем много внимания вопросам внешнего выражения волеизъявления, иногда доводя их до абсурда, что в дальнейшем оказало влияние на формирование соответствующих норм европейского законодательства. Со временем символы и словесные формулы постепенно исчезают из правового обихода, что было обусловлено развитием торговли, требующей простоты и быстроты оборота, а также повышением уровня правовой культуры, признававшей для ряда наиболее важных сделок вполне достаточной соблюдения простой письменной формы. Следующим этапом развития правовых представлений о форме сделок явилось постепенное введение в правоприменительную практику дополнительных требований к форме совершения сделок с наиболее ценным имуществом, которые, как правило, заключались в необходимости удостоверения волеизъявления сторон уполномоченным на то должностным лицом (судьей, нотариусом и пр.).

Участие свидетелей при совершении различных гражданско-правовых сделок предусматривалось законодательством многих государств, что, по всей видимости, было связано, с одной стороны, с низкой грамотностью населения, а, с другой – с необходимостью доказывания факта их совершения. При этом состав и количество участников, обеспечивающих обрядовую часть сделки, не всегда определялся достаточно четко.

С течением времени во многих европейских государствах формируется два основных подхода к законодательному регулированию формы сделок. В то время как значительная часть бытовых сделок, реально совершавшихся на практике, фактически «выпадает» из сферы централизованного правового регулирования, в отношении феодальной и церковной собственности законодатель, напротив, обеспечивая ее неприкосновенность, уделял значительное внимание регламентации сделок по распоряжению недвижимостью, завещаниям и церковным пожертвованиям.

В целом регламентация формы сделок в XV–XVIII вв. в странах Западной Европы отличалось значительным разнообразием, что было обусловлено, с одной стороны, сложившейся системой источников права, а с другой, тенденциями развития гражданского и коммерческого оборота. Последнее обстоятельство тем более важно, что гражданское право, нормы которого обеспечивали неприкосновенность феодальной собственности, не затрагивали динамично развивающуюся сферу торговли, в значительной степени регулировавшейся обычаями делового оборота, устанавливавшими достаточно гибкие требования к форме совершаемых в этой сфере сделок.

Кодификация гражданского и торгового законодательства, произошедшая в странах Западной Европы в конце XIX – начале XX веков, ознаменовала новый этап в развитии гражданского законодательства, и, тем самым, совершенствование правовых механизмов регулирования форм частно-правовых сделок, прежде всего их унификацию. Установленные в этот период требования к форме различных сделок практически без изменений сохранились в современных правовых системах и нашли свое отражение в модифицированном гражданском праве Российской Федерации, вновь доказав поступательную международную преемственность основных цивилистических институтов.

Список литературы

1. *Гай*. Институции. Кн. 1–4 / пер. Ф. Дыдынского. – М.: Юрист, 1997. – 57 с.
2. *Гамбаров Ю.С.* Гражданское право: Общая часть. – М.: Зерцало, 2003. – 699 с.
3. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) / пер. с французского – В. Захватаев. Предисловие: А. Довгерт, В. Захватаев / отв. ред. А. Довгерт. – Киев: Истина, 2006. – 1008 с.
4. «Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации» (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95075/ (дата обращения: 01.11.2018).
5. *Новицкий И.Б.* Римское право: учебник. – М.: Ассоциация «Гуманитарное знание», 1993. – 184 с.
6. Памятники римского права: Законы XII Таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. – М.: Зерцало, 1997. – 608 с.
7. *Перетерский И.С.* Дигесты Юстиниана: Очерки по истории составления и общая характеристика. – М.: Юрид. лит., 1956. – 125 с.
8. *Пухан И., Поленак – Акимовская М.* Римское право: Учебник: перевод с македонского / под ред. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 1999. – 448 с.
9. *Покровский И.А.* История римского права. – М.: Харвест, 2002. – 386 с.
10. *Романова И.Н.* Гражданское право (общие положения о договоре). – Рязань, 2018. – 32 с.
11. *Романова И.Н.* Организационно-правовые формы страхования предпринимательской деятельности // Юридическая наука. – 2017. – № 3. – 114 с.
12. *Романова И.Н.* Теоретико-правовой анализ законодательства и практики применения в сфере страхования ответственности отдельных субъектов предпринимательства // Право и экономика. – 2017. – № 11 (357). – 57 с.
13. Статут о купцах 1283 г. // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. – М.: Госюризат, 1961. – 35 с.
14. Указ Президента Российской Федерации от 18.07.2008 № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_118202/ (дата обращения: 02.11.2018).
15. D.45.I.1.3 / Дигесты Юстиниана / перевод с латинского. Отв. ред Л.Л. Кофанов. – М.: Статут, 2005. – Т. I–VI.

References

1. *Gaj*. Institucii. Kn. 1–4 / Per. F. Dydynskogo. – M.: Yurist, 1997. – S. 57.
2. *Gambarov Yu.S.* Grazhdanskoe pravo: Obshchaya chast'. – M.: Zercalo, 2003. – S. 699.
3. Grazhdanskij kodeks Francii (Kodeks Napoleona) / per. s francuzskogo – V. Zahvataev. Predislovie: A. Dovgert, V. Zahvataev / отв. red. A. Dovgert. – Kiev: Istina, 2006. – 1008 s.
4. «Konceptsiya razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii» (odobrena resheniem Soveta pri Prezidente RF po kodifikacii i sovershenstvovaniyu grazhdanskogo zakonodatel'stva ot 07.10.2009) // SPS «Konsul'tantPlyus». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95075/ (data obrashcheniya: 01.11.2018).
5. *Novickij I.B.* Rimskoe pravo: uchebnik. – M.: Associaciya «Gumanitarnoe znanie», 1993. – 184 s.
6. Pamyatniki rimskogo prava: Zakony XII Tablic. Institucii Gaya. Digesty Yustiniana. – M.: Zercalo, 1997. – 608 s.

7. *Pereterskij I.S.* Digesty Yustiniana: Ocherki po istorii sostavleniya i obshchaya karakteristika. – M.: Yurid. lit., 1956. – 125 s.
8. *Puhan I., Polenak – Akimovskaya M.* Rimskoe pravo: Uchebnik: perevod s makedonskogo. / pod red. V.A. Tomsinova. – M.: Zercalo, 1999. – 448 s.
9. *Pokrovskij I.A.* Istoriya rimskogo prava. – M.: Harvest, 2002. – 386 s.
10. *Romanova I.N.* Grazhdanskoe pravo (obshchie polozheniya o dogovore). – Ryazan', 2018. – S. 32.
11. *Romanova I.N.* Organizacionno-pravovye formy strahovaniya predprinimatel'skoj deyatel'nosti // Yuridicheskaya nauka. – 2017. – № 3. – S. 114.
12. *Romanova I.N.* Teoretikopravovoj analiz zakonodatel'stva i praktiki primeneniya v sfere strahovaniya otvetstvennosti otdel'nyh sub"ektov predprinimatel'stva // Pravo i ehkonomika. – 2017. – № 11 (357). – S. 57.
13. Statut o kupcah 1283 g. // Hrestomatiya pamyatnikov feodal'nogo gosudarstva i prava stran Evropy. – M.: Gosyurizat, 1961. – S. 35.
14. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 18.07.2008 № 1108 «O sovershenstvovanii Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul'tantPlyus». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_118202/ (data obrashcheniya: 02.11.2018).
15. D.45.I.1.3 / Digesty Yustiniana / perevod s latinskogo. Otv. red L.L. Kofanov. – M.: Statut, 2005. – T. I–VI.